

В номере шестом «Известий» за 1989 год был напечатан фельетон Марка Розовского «Как театр покупал курицу». За два года многое изменилось в нашей стране и во всем мире. Но не в мире театральном...

Об этом новый фельетон того же автора.

Для нового спектакля, который ставит у нас, на сцене театра-студии «У Никитских ворот», английский режиссер, понадобилась курица.

— Ну что ж,— сказал я помрежу Тане,— напишите заявку, я подпишу, возьмите в бухгалтерии деньги, пойдите в магазин, встаньте в очередь, купите курицу, возьмите чек, сдайте курицу на склад, а чек в бухгалтерию, а затем, когда актеры ее, курицу, съедят, оформите акт на списание как на исходящий рекевизит. Делов-то!

— Вы не поняли: ему нужна живая курица.

— Кому ему?

— Ричарду. Он просит, чтоб она бегала по сцене в финале и клевала зерно.

— Как?!

— Очень просто,— сказала Таня.— По системе Станиславского.

На следующий день я собрал работников постановочной части и изложил им боевую задачу: достать из-под земли живую курицу.

— Я отказываюсь,— тотчас проявил рвение к работе зав. постановочной частью.— Не мое дело.

— Это почему?

— Мое дело ставить декорации. А живая курица к ним не относится. И потом, где мы ее будем хранить?

— В каком смысле?

— В прямом. Где, простите, она будет жить?

— В моем кабинете!— смело заявил я и тут же понял, что слишком смело.— Или в... в нашем!

— В нашем — это не жизнь. У нас курилка — никакая птица не выдержит.

Назавтра я собрал общее собрание администраторов. Они

выслушали меня внимательно, проявив незаурядную стойкость в мимике.

— Я не отказываюсь!— заявил главный администратор, знающий, как я отношусь к его всегдашним отказам.— Но вы давно, видно, не были на рынке. Там даже мертвых куриц считают

которую он ставит у нас по вашему приглашению, и он не может не следовать воле Автора.

— О-хо-хо! — застонал я.— У Шекспира, между прочим, в ремарках на сцене полно «трупов» — и что?..

— Я знаю что! — сказала Таня и приняла героический вид.— Завтра с утра я лично поеду в район, в подмосковный колхоз, и привезу специально для вас эту несчастную курицу. Только дайте мне машину от театра.

дена. А в колхозах кур уже нет, — радостно сообщила Таня.

— Может, на Украину поехать?.. Говорят, на Украине еще осталось несколько кур... — задумчиво сказал я.

— Надо написать в КГБ,— глухим голосом посоветовал стоящий рядом и слышавший разговор наш театральный пожарник Мухин.

— Почему в КГБ? При чем тут КГБ?! — заволновался я при этом с детства знакомом слове из трех букв.

КАК ТЕАТР ДОСТАВАЛ КУРИЦУ

Известия. — 1990. — 3 авг. — С. 8.

ные единицы, а не то что живых. И стоят они сегодня примерно столько же, сколько все наши декорации. И чека никакого на рынке мне не дадут. За живую курицу надо платить живыми деньгами. А живых денег у меня нет. Как, впрочем, и неживых.

Это он намекал, что ему в театре мало платят. В общем, после этого монолога я закрыл бессмысленное совещание по курице и вызвал помрежа.

— Таня, а нельзя ли, чтобы вы от имени театра попросили Ричарда отказаться от его идеи? Только тактично. Чтобы не обидеть его художественное мышление и не надорвать только только наметившиеся после долгих лет «железного занавеса» и холодной войны наши драгоценные советско-английские культурные связи, а?

— Это как?

— Скажите «нет», и все.

Таня улыбнулась:

— Он не откажется. Сегодня на репетиции он сказал, что эта курица есть в ремарке пьесы,

Я не понял, почему Таня сказала, что эта курица «несчастливая», если ей предстоит всю оставшуюся жизнь играть на сцене замечательного театра «У Никитских ворот» рядом с не менее замечательными актерами, и почему она, Таня, достанет курицу специально «для меня». Но машину дал. Но не от театра, а свою. Потому что у нашего замечательного театра пока нет машины, несмотря на то, что он такой замечательный.

Таня вернулась поздним вечером и без курицы.

— Опоздала на один день,— горестно махнула она рукой.— В колхозах района, где я была, кур нет.

— А новые фермы? А частная собственность? А перспективы расцвета нашего сельского хозяйства благодаря внедрению новых форм откорма скота и домашней птицы? — Я показал, что читаю газеты.

— Фермы еще не созданы. Формы еще не действуют. Частная собственность еще не вве-

— Им сейчас поручена проверка всего, что у нас есть,— объяснил Мухин спокойно.— И чего нет.

— Так,— сказал я твердо.— Пока я у вас художественный руководитель, по нашей сцене не будет ходить курица из КГБ.

— Зря,— сказал Мухин.

— Нет, не зря! — воскликнул я со злостью: ведь никогда я и мысли не допускал, что когда-нибудь зачем-нибудь буду писать в КГБ. Тем более насчет какой-то курицы.

— Зря психуете, шеф! — Мухин, видно, по привычке часто называл меня «шефом», но сейчас мне это совсем не понравилось.— Если нынче нам кто и может помочь, то только ОНИ. Их только надо попросить. Они вам чего хотите, то и сделают, Марк Григорьевич. Вы не бойтесь, они сегодня другие: раньше их никто не просил ни о чем, а они не удовлетворяли, а сейчас их все просят, и они удовлетворяют... И вы попросите, они и вас удовлетворят.

Я уже не слушал его. Я думал. Конечно, надо уважать замысел Режиссера и Автора. Конечно, надо сделать все, чтобы не пострадало творчество. Но где достать эту проклятую курицу? К кому обратиться? В цирк? На птицефабрику? В зоопарк?

Всем театром мы сделали сто звонков в сто организаций, и все ответили нам отказом. Или вообще не ответили.

Тогда я собрал в кулак всю свою волю и поехал к Ричарду на репетицию. Однако репети-

ционным отношениям, как видите, росла не по дням, а по часам.

Я попытался облегчить ситуацию:

— Где я тебе достану курицу, Ричард, где? Рожу, что ли? Ну нету ее в нашей природе, нету! Я не инкубатор «У Никитских ворот», а бедная студия на полном хозрасчете... Поедем в «Березку» завтра и давай купим ее там за твою валюту. Ах, и в «Березке» нет живых куриц?! Что же ты требуешь от меня невозможного? Я не факир! Кстати, и птицефабрика нам отказала. Нам, говорят, самим кур нужны. У нас, говорят, для своих петухов их не хватает, не то что для нужд театра... Ах, дорогой ты наш англичанин, ты не понимаешь наших проблем. У нас сейчас нет не только куриц, но и гвоздей, и бриллиантов. Зерно, которое должна клевать твоя хохлашка, мы тоже приобретаем в Америке. Пойми! У нас и яиц нет, Ричард, ты ЭТО хоть пойми: во всей стране нету яиц! Откуда же взяться курам? А вот театр — есть! Живой театр с живыми актерами! Давай, дружище, ориентироваться на живых актеров прежде всего, а? Пойми...

Он не понимал. Он сказал с чисто английским высокомерием: — Я не отступлю ни на дюйм. Нет курицы — нет премьеры. Признаюсь, в этот момент я проклял день, когда пригласил иностранца ставить спектакль в наших специфических условиях. Я сказал: — А может быть, ты проявишь фантазию, и наш зритель тоже проявит фантазию... И мы сделаем такую... ну... условную курицу... ну, что ли, не совсем живую... а такую... скажем, вырежем ее из фанеры... если, конечно, ее, фанеру, доставим... но, думаю, сумеем достать... покрасим, поставим на колесики... потянем за веревочку... и пусть играет... по системе Станислав-

ского... Я думаю, Константин Сергеевич нас поймет... У него самого в революции в театре не было краски. Зато были великие актеры... Вот и возьмем с него пример...

Англичанин сделал большие глаза. Я будто оскорбил его своим предложением. Будто назвал Великобританию Индией.

Теперь долго говорил он. Переводчица коротко переводила:

— Он сказал, что до приезда в Москву он верил в перестройку и в политику Горбачева. Но сейчас из-за отсутствия курицы у него появились сомнения. Оказывается, люди, которые делают перестройку, ничего не могут. Раньше он считал театр «У Никитских ворот» хорошим театром с высоким рейтингом. Но теперь, он думает, его рейтинг значительно ниже... Если театр не в силах достать элементарную курицу, это означает, что его рейтинг уступает, скажем, рейтингу Большого театра, по сцене которого и сейчас, в период гласности и перестройки, ходят живые лошади. Так что вам (нам!) самим надо перестроиться, а не учить перестроить других... Вам (это нам!) надо...

— Х-х-хватит! — заскрежетал я зубами. — Скажите ему... скажите, что... яйца курицу не учат!.. Впрочем, это грубо... поэтому ничего не скажите... то есть не переводите...

И в этот момент свершилось чудо! Будто в поддержку мне, театру и стране, бьющейся в судорогах перестройки, из угла вдруг послышалось веселое кулдаханье.

...Приходите к нам в театр-студию «У Никитских ворот», вы увидите в одном из наших новых спектаклей, как по сцене гуляет живая курица.

Черт возьми, как мы ее доставили?

Не знаю. Но самое интересное в том, что об этом не знает никто.

Марк РОЗОВСКИЙ.